

Приведенный перечень содержательных критериев не может быть исчерпывающим и подлежит коррекции в дальнейших исследованиях. Разумеется, он выражает ценностные предпочтения автора очерка, хотя и учитывает по возможности представления самих философов.

В-третьих, следует ввести группу формальных (или формально-логических) критериев, которые связаны, на мой взгляд, с обоснованностью, реалистичностью и реализуемостью этих проектов. Но это мне также предстоит ещё проверить, производя проектную реконструкцию концепций, предложенных данными мыслителями.

Следовательно, все избранные мной проекты необходимо оценивать далее по следующей формально-логической шкале:

- комплексная обоснованность – недостаточная обоснованность;
- реалистичность – утопичность;
- практическая реализуемость – нереализуемость.

В-четвертых, процесс реконструкции цивилизационных проектов предполагает: (1) уточнение *исходной проектной идеи* мыслителя как автора проекта (определение первоначального образа желаемого – идеальной цивилизации); (2) проведение *возможной реконструкции* его проекта (представление данного образа в виде развёрнутого содержания по заданным мной параметрам – «проектной матрицы»); (3) *актуализацию этого проекта* применительно к сегодняшней России; (4) *сравнение проектных возможностей* концепций (см. прим. 10).

Таким образом, в данном очерке я постараюсь представить результаты реконструкции девяти цивилизационных проектов России. Лишь проделав такую работу, я смогу попытаться обобщить эти проекты по указанным основаниям и критериям, а затем предложить свой взгляд на возможности их интеграции и создания обобщенного проекта.

1.2. НЕКОТОРЫЕ ПРОЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ ДЛЯ РОССИИ (ОПЫТ ПРОЕКТНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)

1.2.1. Образы духовной организации жизни цивилизации

В первую группу вошли мыслители, представляющие разные исторические эпохи в истории западной цивилизации: Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831), Альберт Швейцер (1875-1975), Сэмюэл Филлипс Хантингтон (1927-2008). Приступая к краткому анализу их моделей цивилизационного развития, относящихся к первому идейно-теоретическому основанию («духовная организация жизни цивилизации»), я хочу отметить, что данные участники проектного эксперимента меньше всего думали о дальнейшей судьбе России, хотя до нас дошли некоторые из их размышлений о ней. Но, прежде всего, эти мыслители являются предста-

вителями собственной цивилизации, ценности которой они и отстаивали в первую очередь.

В понимании идеальной цивилизации, образ которой можно попытаться применить к России, их объединяют представления о духовно-жизненном измерении цивилизационного развития. Каждый из них вкладывал, хотя и по-своему, в неё трансцендентный смысл. Однако, если для Гегеля отправным пунктом была абсолютная идея, как таковая, а для Швейцера — идея жизни, наполненная духовно-нравственным содержанием, то для Хантингтона такой исходной точкой в трактовке цивилизации выступает религиозная идея. Вот почему последний рассматривал Россию как православную цивилизацию.

«Цивилизация духа» (Гегель)

Проектная идея. Должен признать, что термин «цивилизация» Гегель применяет крайне редко и далеко не в том смысле, в котором её понимаю я. Поэтому моя попытка обоснования цивилизационного проекта, используя идею жизни Гегеля, есть всего лишь результат реконструкции, который не следует воспринимать как позицию немецкого философа.

Конечно, истоки цивилизационной теории Гегеля следует искать, прежде всего, в его философии права и философии истории. Однако, гегелевская идея жизни оказалась не менее продуктивной с точки зрения осмысления настоящего и будущего такой современной цивилизации, как Россия. Обращение к ней позволяет ответить на некоторые из вопросов, которые нас сегодня волнуют, в т.ч., что такое жизнь в её духовном измерении, и каковы могут быть проекции духа на развитие цивилизации, в т.ч. российской. Представлю вначале некоторые положения гегелевской идеи жизни применительно к цивилизации, которую можно условно назвать «цивилизацией духа».

Но сначала мне необходимо представить учение Гегеля о жизни и её духовном измерении, которое изложено в ряде его трудов, в т.ч. «Науке логики», «Философии духа» и «Философии права» [1; 2; 3; 4]. Так природа в идее жизни не только достигает своей внешней проявленности, но и выходит за свои собственные пределы. Гегель мыслит жизнь в единстве с духом, который освобождает её от объективности и субъективности, поднимая на высоту «абсолютной всеобщности». Всё живое, включая человека, есть непрерывное восхождение к духу, выход за границы природного лона. Другими словами, природное и духовное существуют в едином континууме жизни. Однако жизнь животного как «жизнь для себя» ещё не есть истинная жизнь в духе. Только в человеке жизнь достигает своего наивысшего духовного развития и выходит из природы в царство духа.

Процесс жизни людей предполагает у Гегеля поэтапное движение от единичного (живой индивид) как несовершенного духа через особенное (семья и гражданское общество) ко всеобщему (человеческий род, творящий всемирную историю). Живой индивид обладает субъективным духом и телесностью от природы. В то же время в нём заключена не только объективность живого, но и всеобщее как родовая сущность, которая в свою очередь находит своё выражение и дополнение во внешнем (природном или телесном). Можно предположить, что жизнь человека выстраивает себя из материала природы.

Семья есть непосредственный или природный дух, который проявляется как чувствующее себя единство (любовь) и выступает в форме брака, собственности и воспитания детей. Особенное в жизни людей раскрывается также в гражданском обществе как «формальной всеобщности индивидов» и дифференцированном единстве людей, объединяющихся в семьи и корпорации, и поддерживающих порядок при помощи полиции и системы правосудия. Однако пика своих духовных возможностей жизнь достигает в роде как реальной всеобщности индивидов и субъекте всемирной истории, который выходит уже за пределы духа народа или нации и поднимается до уровня абсолютного духа в лице гениальных представителей человечества.

Что же такое дух, заключенный в жизни? Это — «в себе и у себя бытие», «сознание самого себя» (самосознание). Это также то, что имеет центр в самом себе, выражая истинную свободу. Как указывает Гегель в «Лекциях по философии истории», дух сам себя познаёт и сам себя производит, делая себя тем, чем он есть (см. прим. 11). Смысл жизни, следовательно, состоит в том, чтобы признать постижение свободы в духе конечной целью всего мира. Для этого дух использует различные средства: желания, интересы и страсти, с одной стороны (субъективные представления) и формальные цели, правила, принципы, законы и пр., с другой (объективные представления). Свобода же понимается Гегелем как право действовать в соответствии с законом. Она представлена в духе конкретного народа или нации как «бесконечное самоопределение свободы». Но кроме наций имеются ещё исторические личности, выступающие от имени большой совокупности людей. И те, и другие подчинены разуму, который заставляет действовать людей. Поэтому нации и личности суть ни что иное как средства деятельности разума («субстанции духа»).

Каково же место цивилизации в духовной организации жизни людей? Могу предположить, что она охватывает все её «этажи», начиная от индивида и заканчивая родом. Абсолютный дух (мировая идея) пронизывает их собой, направляя тем самым ход развития цивилизации в направ-

лении достижения «свободы всех», а не только отдельных индивидов. Прототипом такой цивилизации у Гегеля выступает, скорее всего, романо-германский мир и непосредственно – прусская государственность. Именно государство, как «божественная идея» и всеобщая форма объективного духа, является основой свободы. Ему предшествует непосредственно гражданское общество, в котором «каждый для себя – цель, всё остальное для него – ничто» [4, 228]. С момента возникновения гражданского общества и государства, ограничивающего его деятельность, можно говорить о появлении современной цивилизации как таковой.

Однако, Гегель, рассматривая гражданское общество как один из опорных пунктов цивилизации, вовсе не восхвалял последнее, признавая за ним субъективный произвол и другие недостатки. Поэтому и «свобода всех», которую оно предоставляет индивидам, является всего лишь формальной свободой, а само общество – формальной всеобщностью. Государство же, выражающее всеобщий интерес, – важная сила, которая ограничивает этот произвол, превращая тем самым совокупность частных индивидов с их особенными интересами в общество. Однако могут быть и плохие государства, не имеющие истинной реальности в духе. Второй не менее важной силой выступала христианская религия и непосредственно католичество. При таком подходе трудно представить себе отношения между государствами, входящими в состав цивилизации. Независимость государства, в которой находит своё существование «бытие-для-себя реального духа», объявляется им главным требованием международных отношений.

Если целью государства выступает сохранение жизни и собственности своих граждан, то что тогда является целью всей цивилизации, объединяющей страны романо-германского мира? Государства сами для себя являются целью и наивысшим законом. Тогда что выступает формой их сотрудничества? Ведь Гегель не признаёт никакие надгосударственные органы. Но, объявляя первенство романо-германского мира, он тем самым указывает на определённое духовное родство входящих в него народов и государств. Трудно сказать, можно ли данное объединение называть цивилизацией, и не будет ли это искажением взглядов самого Гегеля. И стоит ли полагать, что, кроме романо-германской цивилизации, для него существуют ещё другие цивилизации?

Идеалом общественной организации для Гегеля была, как известно, античная Греция с её гармонично устроенной жизнью, хотя и последняя не отличалась полной свободой индивидов. При этом и отдельная цивилизация не является целым, поскольку она не объёмлет весь человеческий род (человечество). А значит, она не может обладать всей целостнос-

тью, необходимой для выражения всеобщего. В лучшем случае о цивилизации можно говорить не как об уже сформированном целом, а в терминах становления целостности, в которой соотносятся друг с другой абсолютный, объективный и субъективный дух. Свою всеобщность она обретает в абсолютном духе, преобразуясь в мировую идею и становясь тем самым всемирной историей. Вместе с тем цивилизация у Гегеля есть, с моей точки зрения, «срединный» уровень, находящийся между государством, с одной стороны, и человеческим родом вообще (человечеством), с другой стороны. Так, понимаемая цивилизация не является всемирно-исторической.

В этом смысле цивилизация не может быть завершающим итогом развития духа. Поскольку её развитие происходит в духовной сфере всемирной истории, то именно дух как субстанция бытия цивилизации связывает индивида, гражданское общество и государство с идеей всего человеческого рода. Это то, что стремится стать всеобщим, но ещё не является таковым по сути.

Следовательно, цивилизация характеризует историческое развитие мирового духа, который, по мнению Гегеля, проходит три стадии: восточную, греко-римскую и германскую (романо-германскую). А значит, мы можем признать существование, как минимум, трех цивилизаций. И только романо-германская цивилизация достигает в духе «свободы всех». Благодаря христианству она объявила человека свободным, хотя и в ней не сразу были разумно организованы правительство и государственное устройство. Потребовалась, с точки зрения Гегеля, значительная культурная работа. В известном смысле он рассматривает её как «вершину» цивилизационного развития, которую достиг на данный момент мировой дух. В качестве же ведущей силы данной цивилизации он признавал германскую нацию. Но на этом, как мы знаем, не заканчивается история, и «прогресс в сознании свободы» продолжается.

Таким образом, мировой дух, познающий себя в свободе, находит своё воплощение в цивилизации как духовном бытии всех в свободе. В развитии цивилизации Гегеля интересует в первую очередь логическое в ней, а историческое рассматривается как способ воплощения логического. С этой точки зрения, идея цивилизации есть ни что иное как её понятие, взятое вместе с его воплощением и связанное с «шествием разума в мире», торжеством свободы в нём. При этом Гегель не идеализировал современную ему романо-германскую цивилизацию, обнаруживая в ней противоречия и случаи примирения духа с неизбежным злом.

По-видимому, цивилизация, не достигшая всемирно-исторического масштаба и не ставшая воплощением мирового духа, не может быть у Гегеля совершенной. При этом право на свободу отдельных индивидов ус-

Табл. 1.

Уровни организации и жизни людей	Формы духа, проявляющиеся в жизни цивилизации		
	Субъективный дух	Объективный дух	Абсолютный дух
<i>Живой индивид (единичное)</i>	Субъективность, составляющая почву для всякой свободы	Тело и непосредственное окружение (вещи, предметы быта)	Всеобщее в индивиде, его родовая сущность, тяготеющая к абсолюту
<i>Семья (особенное)</i>	Любовь как особая склонность лиц, вступающих в половые отношения	Брак, домохозяйство, воспитание детей, имущество как формы объективации семьи	Действительный дух семьи как воление её свободной всеобщности
<i>Гражданское общество (особенное) и государство</i>	Свобода индивидов, существующих "в качестве особенных для себя" (субъективный произвол)	Сословия и корпорации, полиция и система правосудия, осуществляющие внешний контроль	Форма всеобщности, получающая своё развитие в нации и государстве, и стремящаяся к абсолютному духу
<i>Человеческий род (всеобщее)</i>	"Отношение к самому себе как к другому живому", индивидуальные истории членов рода	Реальная всеобщность, обеспечивающая преемственность поколений	Всеобщая ступень, выражающая "истину жизни" и дух всемирной истории, и поднимающаяся до знания абсолютного

тупает место праву мирового духа как субъекта всеобщей свободы, способного творить историю по своему образу и подобию. Последний стоит также выше того, что Гегель называл «духом народа» и даже выше объективной нравственности государства. Ведь этот дух и есть не что иное, как всеобщность, объединившаяся с особенностью и ставшая божественностью народа. Поэтому мой предварительный вывод таков: идея цивилизации в гегелевском понимании является выражением всеобщего в специфической для неё социокультурной форме, представленной в духе входящих в неё народов.

Реконструкция проекта. Представлю теперь некоторые результаты анализа модели духовной организации жизни цивилизации Гегеля в виде проекта (см. табл. 1).

Таким образом, Гегель показывает, что жизнь цивилизации развивается благодаря духу и в духе, начиная от единичного (живой индивид) и особенного (семья и гражданское общество) и заканчивая всеобщим (всем человеческим родом). Причём на каждом из указанных уровней присутствуют все формы духа (субъективный, объективный и абсолютный), которые участвуют в творении цивилизации. Поэтому последняя есть восхождение от природы к духу и далее — от природного (субстанциального) духа через его субъективную и объективную форму к абсолютному духу, проявляющемуся в искусстве, религии и философии. Особенная или единичная цивилизация достигает целостности во всемирной цивилизации. А в действительности она не может быть целостностью и представляет собой лишь стремление стать всеобщим и обрести себя в абсолютном духе как «мыслящей самую себя идее».

Следовательно, жизнь отдельной цивилизации, будучи духовной по сути, включает в себя все уровни организации жизни людей — от индивида до рода. Всемирная же цивилизация — это высшее проявление земной жизни вообще. В ней дух достигает предела своего развития в мире людей. В локальной же цивилизации Гегель обнаруживает противоречия между природным и духовным в жизни человека, а также между частными или особенными формами жизни, с одной стороны, и всеобщими — с другой (между индивидом и семьей, между семьей и гражданским обществом, между гражданским обществом и государством или родом в целом). И эти противоречия не преодолеваются в современном мире, а некоторые из них даже обостряются. Так что жизненное пространство современных цивилизаций нельзя назвать целостным и непрерывным. Это относится в полной мере и к России, цивилизационное строительство которой ещё не завершено.

Что же касается обоснованности цивилизационного проекта Гегеля, то нужно признать, что он этим специально не занимался. Полагаю, что, если бы такой проект был им разработан, то он в чём-то походил бы на идеальную модель прусского государства, идеологом которого не случайно считают Гегеля. Можно также предположить, что с его точки зрения, жизненность цивилизации обусловлена силой, заложенного в неё духа. Этим же определяется во многом и степень реалистичности предполагаемого проекта.

Актуализация проекта. Несмотря на гегелевский универсализм, можно рассмотреть настоящее и будущее российской цивилизации сквозь призму понимания уровней и противоречий духовной организации человеческой жизни. Но для этого необходимо провести своего рода мысленный эксперимент. Так, можно предположить, что, игнорируя законы развития духа, мир оказался в очередной раз перед лицом катастрофы. К этому отчасти привело игнорирование гегелевского принципа единства единичного, особенного и всеобщего в духовной организации жизни. В результате жизненное пространство современных цивилизаций было деформировано, развиваясь в направлении либо единичного, или особенного (расширения индивидуальных прав и свобод), либо всеобщего (укрепление государства), и тем самым усиливается противоречие между субъективными и объективными сторонами духа.

Россия находится сегодня на цивилизационном перепутье. С точки зрения гегелевской философии, ей не удалось пройти до конца стадию развития объективного духа, как действительного воплощения нравственной идеи, и завершить процесс цивилизационного строительства, в т.ч. построить гражданское общество и правовое государство. Она по-прежнему находится в тисках цивилизационных дилемм как в своём настоящем,

так и в ожидаемом будущем. Можно предположить, что её жизненное пространство деформировано и находится между двумя противоборствующими тенденциями: между традиционализацией и модернизацией в настоящем. Налицо оказался также конфликт между эгоистической субъективностью субъектов управления, а также близких к ним авторов цивилизационных проектов, с одной стороны, и объективной неготовностью большинства жителей страны к реальному цивилизационному выбору – с другой. Для последнего ещё не созданы благоприятные условия и соответствующие институты. Поэтому жизненное пространство российской цивилизации оказалось разорванным на части, соответствующие сегментам разных цивилизационных проектов.

Удастся ли России разорвать этот заколдованный круг цивилизационного развития, укрепить «средние» или особенные уровни организации жизни и сформировать «верхний» этаж жизни цивилизации, в котором содержится её собственный образ всеобщего в мире, покажет время. Однако, гегелевский анализ духовных противоречий жизни людей, в т.ч. противоречий между субъективным духом и объективной реальностью, который можно проецировать на жизненное пространство современной цивилизации, не потерял своей актуальности и в наши дни. А пока приходится констатировать, что «время собирать камни» ещё не пришло. Россия пока не готова к интеграции разных цивилизационных проектов и выработке консолидированной позиции.

«Цивилизация жизни» (А. Швейцер)

Проектная идея. С помощью А. Швейцера я попытаюсь представить этическую версию проекта цивилизации, которую можно использовать для обоснования перспектив российской цивилизации. В её основе лежит приоритет и ценность жизни как таковой. Такая «цивилизация жизни» подготовлена, с точки зрения Швейцера, всем ходом человеческой истории и может базироваться на этике благоговения перед жизнью. Её цель – бережное и творческое отношение к жизни во всех её проявлениях. Она предполагает поворот в сознании людей и реализуется посредством таких этических практик как самоограничение, самоотречение и самосовершенствование.

Во-первых, если воссоздать образ цивилизации жизни, то следует в первую очередь представить *общество (или систему обществ) самоограничения и самоотречения*. И это самоотречение индивидуального бытия осуществляется ради всех других явлений бытия и, прежде всего, бытия живого сущего. Такое бытие «должно совершаться не только ради человека, но и ради других существ, вообще ради любой жизни, встречающейся в мире и известной человеку» [28, 212].

Обращение к абсолютному, мировому духу в эпоху культурной катастрофы Швейцер, в отличие от Гегеля, считал бессмысленным предприятием, подчёркивая, что не стоит отречься от самих себя ради абсолютного. Не дух спасёт человечество, а его собственное самоограничение и бережное отношение к другим формам жизни. Поэтому Швейцер советует «отбросить все декорации и декламации сцены и вновь обрести себя в живой природе» [28, 215]. Конечно, он не призывает отказаться от духовности и вернуться «назад к природе», хотя его идея жизни во многом напоминает гегелевскую.

Но как эти положения Швейцера перевести в практику цивилизационного проектирования России? Ведь практически никто из представителей ныне действующей элиты не готов стать на путь самоограничения и самоотречения. А значит, мы не можем требовать этого и от обычных людей, не имеющих властных полномочий и особых статусов. Единственный выход — действовать путём просвещения, усилить экологическую составляющую общественной идеологии и образования. Но сколько времени на это уйдет, трудно даже представить.

Во-вторых, Швейцер рассматривает цивилизацию жизни как *систему, в которой преобладают процессы самосовершенствования*. В их основе лежит доброжелательное и заботливое отношение ко всем живым существам. До сих пор этика выступала как пассивная реакция человека на происходящее в мире. Свою внешнюю принадлежность к бытию он так и не сделал «внутренней» и духовной по содержанию. Но, чтобы вывести человека из круга пассивности, нужна этика благоговения перед жизнью, согласно которой требуется привести своё становление в подобие миру и взять ответственность за него. Кроме того, в этике самосовершенствования он усматривает мистические мотивы, которые как раз и наделяют традиционную этику духовным измерением. Следовательно, духовное измерение жизни у Швейцера приобретает мистические мотивы, а его этическая утопия выходит за грань рационально постижимого.

Можно предположить, что российский человек склонен к самосовершенствованию и духовному развитию. Однако, чтобы поставить такую задачу на общегосударственном уровне, необходимы совместные усилия разных политических субъектов и их разумная воля к «жизни среди другой жизни». А вот в этом можно усомниться.

И, наконец, в-третьих, цивилизация жизни у Швейцера — это *цивилизация благоговения перед жизнью*. Её смысл «заключается, следовательно, в том, что я испытываю побуждение выказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой. В этом состоит основной принцип нравственного.

Добро – это то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» [28, 218]. И здесь принципиально то, что поведение человека считается нравственным, если он помогает любой жизни и воздерживается от того, чтобы причинить даже незначительный ущерб живому.

Но не понимает ли Швейцер слишком буквально благоговение перед жизнью? Ведь, с его точки зрения, нельзя даже сорвать листок с дерева. И не дай вам Бог раздавить какое-нибудь насекомое или навредить случайно животному. Конечно, я допускаю, что бывают крайне редкие и произвольные случаи нанесения ущерба живому. Вместе с тем, допускаю и случаи совершенно бессмысленного или, что ещё хуже, сознательного причинения вреда живому. Но стоит ли абсолютизировать любовь ко всему живому?

Однако цивилизация жизни, по Швейцеру, невозможна, если у большинства людей отсутствует «безграничная ответственность за всё, что живёт» [28, 218]. Она предполагает любовь к жизни во всех её проявлениях и противостоит утверждению одной жизни за счет другой. Это в природе мы наблюдаем повсеместно драму уничтожения одной жизни ради сохранения другой. Так, например, поступают все хищники, убивая свою жертву и продлевая тем самым свою собственную жизнь. В мире же людей это совершенно недопустимо, хотя до сих пор ещё встречаются случаи каннибализма или ничем не мотивированных жестоких убийств.

Таким образом, воссозданная мной этическая версия цивилизации жизни А. Швейцера, имеет отношение не только к человеку, но и к иным мирам живого. «Вся этика иного, чем мир, бытия только тогда течёт чистым ручьем, когда она берёт своё начало из этого родника» [28, 221]. Она освобождает людей от иллюзий и сомнительных идеалов, побуждая их брать ответственность за свою и чужую жизнь. Такая этика не допускает проявлений эгоизма и равнодушного отношения к своим соплеменникам, другим людям и живым существам.

Реконструкция и актуализация проекта. Представлю вкратце итоги анализа идеи цивилизации А. Швейцера в виде проекта (см. табл. 2).

А теперь сформулирую вывод. Главное, к чему я пришел, анализируя проектную версию А. Швейцера, заключается в том, что Россия до сих пор не реализовала свой огромный экологический потенциал и продолжает процесс нерационального использования природных ресурсов, игнорируя по-прежнему ценность многих форм жизни. Конечно, она может ещё какое-то время дрейфовать в сторону западной цивилизации, которая несёт основную ответственность за глобальный экологический кризис, или постепенно сближаться с восточными цивилизациями, в т.ч.

Компоненты проекта	Содержание проекта и возможности его применения к российской действительности
Сфера проектирования	"Цивилизация жизни", базирующаяся на этике благоговения перед жизнью В России ещё не сложились институциональные предпосылки для построения данной цивилизации. Единственная политическая партия "Партия жизни", инициированная "сверху", просуществовала недолго (2002-2006 гг.) и не получила поддержки электората. Однако врожденная любовь к жизни и земле делает из российских людей потенциальных союзников данного проекта.
Способы создания	Социально-этические практики: благоговение перед жизнью как поворот в сознании большинства людей, способный вывести их из состояния деморализации; культуротворчество и глубокое переосмысление своей жизни. Учитывая культурно-исторический опыт России, этический критерий цивилизационного развития страны будет трудно реализовать на практике. Традиционно считается, что ценность жизни обычных людей в глазах властвующей элиты не очень высока. Но это утверждение нуждается в доказательстве.
Выбор альтернатив	Формирование личной и социальной ответственности людей за всё живое на планете; поддержание и развитие всех форм жизни; самоограничение, самоотречение и самосовершенствование как практики переустройства общества на иных основаниях. Выбор "цивилизации жизни" в России ограничивается, с одной стороны, неспособностью властей стать на путь самоотречения и служения людям, а с другой - отсутствием условий в обществе для самосовершенствования человека и недостатком культуры бережного отношения к жизни.
Пути согласования действий	Переоценка жизненных приоритетов человека и общества; запрет на любые акты насилия и уничтожения жизни на планете; выработка новых правил человеческого общежития. Необходимо усилить "жизненную политику" различных субъектов управления в России, расширив её пространство от обеспечения жизнедеятельности отдельных групп к развитию самостоятельности людей, связанной с культивированием всех форм жизни.

с Китаем, приступившим к осуществлению проекта экологической цивилизации, сущностная специфика которой состоит в проведении взвешенной экологической политики и сбережении всех форм жизни.

«Трансцендентная цивилизация» (С. Хантингтон)

Проектная идея. До сих пор я пытался сконструировать образ цивилизации «для России», используя идеи двух западных мыслителей, живущих в разные эпохи. Теперь же мне предстоит реконструировать цивилизационный проект, который не только применим к России, но относится к ней самым непосредственным образом.

Как известно, цивилизацию американский социолог и политолог С. Хантингтон рассматривает как «культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей» [27, 34]. Она отличается сходством языка, истории, религии, обычаев и институтов тех или иных стран, которые входят в её состав.

Хантингтон посвятил в своей книге «Столкновение цивилизаций» немало места описанию цивилизационных признаков России [27]. Он называет её, с одной стороны, «разорванной» или «расколотой» цивилизацией, а с другой – трансцендентной (нерациональной). Во-первых, в ней происходит раскол между православными и мусульманскими реги-

онами (Северный Кавказ и Поволжье), которые отстаивают свой особый статус. Состояние разорванности Хантингтон объясняет также тем, что лидеры стержневой страны, в которой существует своя господствующая культура, предпочитают соотносить себя с западной цивилизацией. Во-вторых, раскол существует между православием и западным христианством.

С тем, что такой раскол существует, можно отчасти согласиться, как и с тем, что Россия и Запад разделены, помимо прочего, культурной границей. Но политическое руководство страны в 1990-е гг. не очень волновал тот факт, что большинство населения страны не признавало западную цивилизацию «своей». Её скорректированная модель была навязана ему сверху, как это чаще всего и бывает. Да и Хантингтон полагал, что «российская цивилизация — это продукт самобытных корней Киевской Руси и Москвы, существенного византийского влияния и длительного монгольского правления» [27, 311]. А значит, она имеет свою цивилизационную специфику. С точки зрения Хантингтона, «разорванность» российской цивилизации усугубляется усилившимся с давних пор западно-славянофильским дуализмом, а во внешнем плане — сопротивлением стран, входивших ранее в Советский Союз, их нежеланием быть в состоянии политического подчинения и экономической зависимости от России.

В целом цивилизация в России имеет трансцендентный характер, который С. Переслегин, автор послесловия к книге Хантингтона, объясняет тем, что в отличие от Запада, который в первую очередь связывает мир людей с миром вещей, «для русской культуры характерно первичное связывание мира людей с миром идей (иррациональная информационная деятельность)» [27, 812]. Да и этот момент можно в целом признать. Но вряд ли стоит называть Россию, как это делает Хантингтон, православной цивилизацией, приписывая ей не только общие византийские корни, но и особый восточно-деспотический бюрократизм, а также отсутствие (в отличие от Запада) опыта культурного «чистилища» в виде Возрождения и Просвещения.

Конечно, Хантингтон не воспринимает Россию как «неправильный Запад» в силу того, что её «ошибки» коренятся, как он считает, в иной цивилизационной парадигме. В качестве причин он называет отсутствие западного отношения к авторскому праву и демонстрация восточного отношения к государству, связывая последнее с опытом преодоления последствий монголо-татарского нашествия и других завоеваний. При этом он считает, что после каждого завоевания традиционная структура российского общества и деспотический характер государства восстанавливаются.

Какой же вывод делает Хантингтон относительно цивилизационного будущего нашей страны? Россия, по его мнению, может стать на путь

создания самостоятельной (например, «северной») цивилизации, если откажется от своих имперских амбиций и перестанет вмешиваться в дела других народов (прежде всего, сербов, моджахедов и пр.). (Интересно, а посылать войска США и их союзников в любую точку земного шара для наведения «демократического» порядка он, видимо, считает вполне оправданным...). Следовательно, по мнению Хантингтона, Россия должна отказаться от того, чем она является (прежде всего, от имперских амбиций), для того, чтобы стать другой, которой она не может быть в принципе. Не правда ли, странное допущение? И надо признать, что в 1990-е гг. она во многом перестала быть самой собой, безуспешно пытаясь войти в лоно западной цивилизации. И до сих пор она так и не может прийти в себя после такой цивилизационной прививки.

В представлении Хантингтона получается, что Россия действует недружественно и не желает вступать в коалицию с западными государствами против центров государственного произвола или международного терроризма, а Запад, напротив, проявляет добрую волю и гуманность. Впрочем, такое самописание меня несколько не удивляет. Не случайно его принципиальное деление цивилизаций на западную и не-западные имеет под собой определённое основание. На мой взгляд, это Запад, а не Россия, противопоставил себя всему миру и продолжает своё победоносное «демократическое» шествие по всей планете, навязывая другим странам и целым цивилизациям свой цивилизационный (экономический и политический) порядок.

Я же как раз убеждён в обратном: именно имперское прошлое России даёт ей основание укрепить свой цивилизационный статус и преодолеть культурную и экономическую зависимость от Запада. К этому можно также добавить, что ведущие цивилизации современного мира (прежде всего, западная и китайская) имеют значительный опыт имперского существования. Но это несколько не помешало им стать сильными цивилизациями.

И всё же Хантингтон, заглядывая в будущее, склоняется к мнению, что Россия должна сохранить центральное место в создании единого евразийского блока и остаться «стержневой» страной православной цивилизации. При этом она окружена, с одной стороны, внутренним кольцом стран, которые состояли ранее в составе СССР (Беларусь, Украина, Казахстан, Молдова, Армения), и внешним кольцом православных стран, входивших в социалистический лагерь (Болгарией, Грецией, Сербией), а с другой – слабыми мусульманскими странами, которые зависят от неё экономически (государства Средней Азии). Будем благодарны Хантингтону не только за эти откровения, но и за то, что он оставляет за Россией роль государства, «несущего ответственность за поддержание безопасности среди православных стран и в тех районах, где доминирует правосла-

Табл. 3.

Параметры цивилизационного проектирования	Описание проекта
<i>Предмет (объект) проектирования и его исходное состояние</i>	Объект - Россия после холодной войны. В нынешнем состоянии это - "разорванная" цивилизация. Внешняя линия разлома проходит между православием, имеющим византийские корни, и западным христианством, а внутренняя - между православием и исламом внутри страны. Кроме того, в ней сохраняются такие особенности, как чрезмерная централизация власти, ориентация части элиты на западные ценности, восточный деспотизм, имперские амбиции и трансцендентная идеология, которая выражается в приоритете идей перед вещами и в признании сакральности власти
<i>Метод (подход)</i>	Полицивилизационный подход, призванный систематизировать и обобщать реальность, устанавливать причинные связи между явлениями, предсказывать будущие события, показывать, куда надо двигаться, чтобы достичь целей [27, 33]
<i>Желаемое (проектируемое) состояние</i>	У России имеются все шансы занять своё место в ряду других цивилизаций, укрепить своё положение "стержневой" страны православной цивилизации и вобрать в себя признаки северной цивилизации, если она ограничится контролем над регионами православия и не будет проявлять геополитические амбиции в других регионах и, прежде всего, в Западной Европе
<i>Пути согласования модели</i>	Достижение соглашений между Западом и Россией, предполагающих значительные уступки со стороны последней и отказ от каких бы то ни было геополитических претензий

вие» [27, 572]. Но это она, разумеется, сможет сделать лишь при условии принятия ведущей роли Запада и отказа от своих внешнеполитических претензий в Европе.

Реконструкция и актуализация проекта. Сформулирую вкратце некоторые положения проекта Хантингтона (см. табл. 3).

Таким образом, Хантингтон предлагает нам своё видение цивилизационного настоящего и будущего России, определяя её место среди других цивилизаций и, прежде всего, в отношениях с западной цивилизацией. Очевидно, что он отводит ей второстепенную роль региональной державы, призванной контролировать ситуацию в православном мире и не вмешиваться в конфликты в других регионах, которые находятся в зоне контроля Запада. А это неизбежно ведёт к отсечению от неё территорий, населённых преимущественно мусульманским населением. Хантингтон рассматривал Россию и исторически связанные с ней страны как «разорванную» цивилизацию, призванную в перспективе объединить православный мир, если она пойдёт на сотрудничество с Западом.

Остаётся определиться с тем, нужна ли нам такая цивилизация, образ которой нарисовал С. Хантингтон. Готовы ли мы, отечественные исследователи принять его рекомендации для последующей разработки и корректировки российского цивилизационного проекта. Лично я, признавая реалистические оценки Хантингтона, считаю его проект не только утопическим и принципиально нереализуемым, но и имеющим опасные последствия для цивилизационного будущего России. Но полагаю, что так думают далеко не все отечественные исследователи.

1.2.2. Софийность, всеединство и интегрализм как принципы проектирования российской цивилизации

Вторая группа участников проектного эксперимента – Николай Фёдорович Фёдоров (1829-1903), Владимир Сергеевич Соловьёв (1853-1900) и Питирим Александрович Сорокин (1889-1968) объединена идеями Софии и всеединства, а также принципом интегрализма. И, если между Фёдоровым и Соловьёвым имеется прямая связь, прежде всего общие духовно-религиозные поиски, то Сорокин стоит в этой группе несколько особняком. Он идейно сформировался в другую эпоху, когда первые два философа уже давно завершили свою деятельность. Кроме того, появление его интегрального подхода объясняется отчасти тем, что ранний период его научного творчества (до 1922 г.) прошёл в России, а всю последующую жизнь он провёл в США. И всё же в его интегрализме можно найти при тщательном анализе отголоски «общего дела» Фёдорова и идеи всеединства Соловьёва. Вот почему я счёл возможным включить Сорокина в данную группу.

«Цивилизация общего дела» (Н. Ф. Фёдоров)

Проектная идея. Русский мыслитель, рассматривая смерть как истинное зло, высказывает убеждение в том, что путь к её преодолению лежит через всеобщее воскрешение. Смысл же самого воскрешения состоит в том, чтобы вернуть жизнь своим отцам и предкам посредством всемирной любви, братства и аскетизма.

Несовершенство философии Фёдоров видит в её неготовности к участию в общем деле. С его точки зрения, в нынешнем виде она представляет собой «мысль без дела» или игру понятий. Чтобы приспособить её к общему делу, необходимо сделать её деятельным знанием, соединяющим в себе теоретический и практический разум, с одной стороны, и обладающим воспитательной силой – с другой. Источник же силы самой философии заключается в её нравственной религиозности. Поэтому этика является главным разделом философии, постигающим свободу как проектное действие человека, направленное на достижение бессмертия и объединение во имя этого всего человечества.

Несовершенство же общества есть результат неисполнения сыновьего долга перед отцами, утраты братства и родства. На место последних пришли суррогаты нравственности – гражданственность и государственность как анонимные структуры, безразличные личной судьбе каждого и родственным отношениям. Как видим, он радикально расходится с Гегелем, ставящим в основание цивилизации гражданское общество и государство. Нравственное общество базируется, по мнению русского мыслителя, на собирании сынов во имя общего дела. Оно должно управлять-

ся мудрыми руководителями, способными взять на себя ответственность за воспитание и образование своего народа, его подготовку к общему делу. В таком обществе не будет надзора, принуждения и наказания. И в нём родственное и коллективное, священное и светское будут совпадать по смыслу друг с другом.

Подлинная история есть родовая жизнь разума, преодолевшего разрыв и зависимость от природы. В проекте (точнее — проектном действии) осуществляется воскрешение как душевное состояние, присущее человеку, мыслящему о деле. И такое состояние Фёдоров называл «естественной общностью потомков и предков». Оно связано непосредственно с Христовым воскресением и предполагает восстановление всего человеческого рода по образу Софии (божественной премудрости). Всемирное родство необходимо для того, чтобы люди стали, в конечном счете, бессмертными и возвысились над природой.

Сам проект общего дела состоит, по Фёдорову, из предмета, способа или условий действия и согласования действий или центра. Предметом является общество и непосредственно — родовой быт, община, государство. В качестве способов или условий проектного действия выступают: выгодное географическое положение России, её тысячелетний застой, склонность к собиранию земель и воссоединению народов Запада и Востока, отсутствие сделок между духовной и светской властями. Фёдоров выделяет также несколько уровней организации российской цивилизации (жизненное, софийное, миротворческое, экологическое, космическое, технологическое и «знаниевое»), которым соответствуют те или иные проектные действия в рамках общего дела.

Конкретизируя содержание проекта, Н.Ф. Фёдоров вводит понятия «сущностные уровни цивилизации» и «основной критерий цивилизационного развития». Очевидно, что для него основным критерием цивилизационного развития являлся христианская религия. Поэтому его модель российской цивилизации в первом приближении можно было бы назвать *христианской*. Однако, учитывая то значение, которое он придавал Софии, можно предположить, что российская цивилизация в существенной мере выступает для него *софийной цивилизацией*, являющейся по сути интегративным образованием. Софийность определяется здесь как основополагающий принцип духовной организации бытия России. Это живой и всеобъемлющий логос мира, способный к его творческим преобразованиям. Как известно, русский философ и религиозный деятель П.А. Флоренский рассматривал Софию как идеальную личность, поддерживающую целостность мира и заключающую в себе целомудрие. Несколько иное толкование мы находим у В.С. Соловьёва.

Табл. 4.

Сущностные признаки цивилизации	Предполагаемые проектные действия государственных и общественно-религиозных деятелей, направленные на создание "цивилизации общего дела"
<i>Жизнь и бессмертие</i>	1) задача человечества - восстановление жизни, а не только устранение смерти; природа - враг временный, а друг вечный [26, 521]; выход человека из животного или полубессознательного состояния - не только нравственная задача, но и физическая необходимость [26, 512]; 2) следует использовать все достижения науки и медицины, чтобы не только преодолеть смерть, как чуждое нам явление, но и победить все болезни, заставив работать на эту высокую цель солнечную энергию и психофизические силы [26, 366-367];
<i>Родство и мир</i>	3) в основу братского союза людей должна быть положена идея собирания земель без принуждения или насилия; 4) надо стремиться к вечному миру; устранением же временной вражды может заняться Россия, призванная примирить народы Европы и Азии, Запада и Востока [26, 332];
<i>Софийность</i>	5) необходимо создать всемирный музей, центром которого станет храм Софии (Премудрости Божьей), в целях воспитания всех народов и преодоления промышленной, научной и иной розни [26, 326-329]; 6) человечество способно открыть для себя невидимый мир и сделать его видимым и осязаемым; а это возможно, если оно станет бессмертным и возьмёт звездное небо в качестве образца будущего храма Софии [26, 507-508, 517];
<i>Экологичность</i>	7) на первый план выступает развитие сельского образа жизни на основе лучших достижений городского знания, в т.ч. астрономии и наук о земле; 8) человек своими действиями не должен разрушать природу, лишая себя тем самым полноценной среды существования;
<i>Связь с Космосом</i>	9) задача человека состоит не только в том, чтобы приспособить к труду всю земную природу, но и освоить небесное пространство, преодолеть границы земли и выйти в Космос при помощи летательных аппаратов [26, 359-361]; для выполнения этой задачи общество должно стать космогоническим этносом, а также соединить все естественные и гуманитарные науки в астрономию и создать небесную науку как "историю мысли и дела человеческого" (небесную механику и ботанику, физику и историю) [26, 522-523]; 10) следует решать вопросы "о регулировании атмосферных явлений, об управлении движением земли и об отыскании новых "землиц""", которые являются частью вопроса о восстановлении жизни предков [26, 362];
<i>Технологичность</i>	11) подчиняя себе природу и соединяя сознание и бесконечность, человек обязан научиться безграничному перемещению, преодолевая пространство и время [26, 429]; 12) вместе с тем, он должен "вырабатывать" себе новые органы, превращать их в орудия, раскрывающие ему неограниченные возможности стать разумом Вселенной [26, 441];
<i>Знание и образование</i>	13) необходимо подготовить человечество к новой жизни; "для осуществления общего дела необходимо соединить все искусства в храме-школе (всеобщие обязательные образования), не как подобии лишь мироздания, а как проекте мира, в котором поглощение заменено воскрешением, осуществляемом через все науки, объединенные в науке мироздания астрономии, и притом чрез всех людей, ставших благодаря школе познающими" [26, 525]; 14) новая интеллигенция должна стать миссионером такого объединения или союза народов и овладеть проектным действием по образцу Троицкого Бога [26, 329-330].

Таким образом, философия общего дела Н.Ф. Фёдорова связана непосредственно с идеей Софии [26]. Конечно, последняя не является аналогом абсолютного духа Гегеля и несколько отличается по содержанию от Софии В.С. Соловьёва, смысл которой на протяжении всей творческой эволюции последнего менялся. И всё же софийность цивилизации не яв-

ляется у Н.Ф. Фёдорова единственным определяющим признаком российской цивилизации. Исходными пунктами его проекта выступают идеи *воскрешения* и бессмертия, а также достижение человечеством состояния *всемирного родства*. Однако установить тесную связь между проектом общего дела и идеей всеединства В.С. Соловьёва, сопряженной по смыслу с объединением человечества во Вселенскую христианскую церковь, мне пока не удалось.

Реконструкция проекта. Изложу теперь некоторые проектные идеи Н.Ф. Фёдорова, которые могут быть применимы в цивилизационном строительстве России и стран, пожелавших вступить на этот путь (см. табл. 4).

Таков в общих чертах цивилизационный проект Н.Ф. Фёдорова. Как видно, большинство выделенных мной критериев цивилизационного развития русский мыслитель не только учёл, но и детально реализовал в своём проекте. Значит ли это, что его проект соответствует современным реалиям? Конечно же, нет, несмотря на всю его комплексность. Он разработан в первую очередь для своего времени, хотя в каких-то пунктах намного опережает его.

Так, например, идеи Фёдорова об освоении космического пространства на тот исторический момент были новаторскими. Он рассматривал человека, действующего по мудрости Божьей (Софии), как посланника к другим звездам и планетам, способного проникнуть в новые миры, чтобы установить связь с иными существами [26, 361]. Всё это будет способствовать, с его точки зрения, построению нравственного общества, которое и может только появиться, создав обширный план освоения Вселенной.

Актуализация проекта. Россия прошла длительный путь исторического развития с тех пор, как Н.Ф. Фёдоров предложил свой проект общего дела. Многие из намеченного им, конечно, осталось нереализованным. А что-то пошло своим чередом и его трудно было предусмотреть заранее. И всё же некоторые критерии цивилизационного развития, обоснованные Фёдоровым, можно использовать для проектирования и сегодня. Так, предложенная им модель «цивилизации общего дела» не потеряла своей актуальности и сегодня.

Должна ли Россия отправиться по этому пути самостоятельно или попытаться объединить другие народы – этот вопрос остаётся для меня открытым. При этом Фёдоров вполне отдаёт себе отчет в том, что «пока человечество не достигло воскрешения, оно составляет род только в представлении, в мысли...» [26, 349]. Поэтому необходима твёрдая власть, которая представляет интересы всех прошедших поколений. Конечно, его можно упрекнуть в том, что он считал идеалом общественного устройства всеобщую земледельческую общину, работающую под началом

наставников (интеллигентов) и с учётом преимуществ мануфактурной промышленности. Но ведь он и жил в такое время, когда эти мечты имели под собой почву. Именно этим обстоятельством корректируется степень реалистичности его проекта.

«Цивилизация Софии» (В.С. Соловьёв)

Проектная идея. Известный русский религиозный философ В.С. Соловьёв, помимо других идей и концепций, вошёл в историю отечественной философии ещё и как автор оригинальных проектов России, т.е. обоснованных представлений о её будущем с точки зрения заданных им критериев должностования. Речь идёт, прежде всего, о проектах Софии и Вселенской церкви [16; 17]. И я ставлю перед собой задачу показать, насколько эти проекты подходят для построения образов цивилизационного будущего России и учитывают её социокультурные реалии.

Начну с уточнения философско-этических оснований проектной идеи В.С. Соловьёва. Таковыми являются, на его взгляд, допущения о добре и благе, которые лежат в основе представлений о совершенстве Бога, человека и его истории. Благодаря единству последних становится возможным возникновение богочеловечества, смысл деятельности которого выражает идея Софии. И это единство возможно только на более высокой ступени — вечного и абсолютного всеединого (Бога).

София представляет собой трансцендентное начало в русской или российской цивилизации, которая, будучи божественной премудростью, соединяет в себе мир людей и мир Бога на земле. Она наделяется образами вечной женственности и божественной красоты. С точки зрения абсолютного, Бог непостижим, а в Софии он открывается человеку через откровение и в виде интимно-личного отношения к нему. София реализуется в историческом бытии людей поэтапно или в виде последовательности её сущностных моментов: как абсолютная, дотварная и внемировая, как тварная и нетварная, космическая и человеческая, вечно женственная и интимно-романтическая, божественно красивая и магическая, наконец, как русская национальная идея.

София воплощается у В.С. Соловьёва в христианском государстве как прибежище Вселенской церкви. Последняя выступает божественным предназначением России, призванной осуществить идею Софии в земной жизни и воссоединить её потерянную душу с Богом. Для этого русскому народу необходимо объединить другие нации и народы в единую церковь, а его представителю (царю) возглавить светскую власть. Однако духовное первенство и пост первосвященника Соловьёв возлагает на папу римского, доказывая, что тот имеет прямое отношение к первоапостолу Петру, а значит имеет право возглавить объединённую церковь.

Следовательно, Россия, с точки зрения Соловьёва, не может быть отдельной и самобытной цивилизацией. Её миссия заключается в духовном освобождении всего человечества и обеспечении неуклонного движения к богочеловечеству. А это означает, что она должна пожертвовать собственным культурным творчеством во имя более высокого идеала. Мне, как и моим предшественникам, критиковавшим данную позицию, трудно согласиться с такой постановкой вопроса. Её противники настаивали на том, что такая религиозная утопия противоречит культурным устоям самой России и чаяниям большинства её народов, исповедующих разные религиозные верования. Поэтому Россия не может принять её без ущерба своим национальным интересам и потери суверенитета. Кроме того, такая культурно-религиозная унификация приведёт к этническим, религиозным и прочим конфликтам.

Реконструкция проекта. При всём обилии идей В.С. Соловьёва реконструировать содержание его проектов достаточно сложно. Ещё сложнее выделить в них цивилизационные признаки России, признание которых, как у современников Соловьёва, так и у нынешних исследователей вызывает если не отторжение, то вполне аргументированные возражения.

Представлю некоторые результаты реконструкции проектов Софии и Вселенской церкви и соотнесу их с образами цивилизационного будущего России (см. табл. 5).

С учётом приведённых данных, я прихожу к выводу, что проекты цивилизации Софии и Вселенской церкви, хотя теоретически и совместимы друг с другом в рамках философии всеединства В.С. Соловьёва, нереализуемы на практике как в то время, так и сегодня, когда мир изменился до неузнаваемости. По своей форме они представляют собой двойную утопию, поскольку предполагают и дополняют друг друга. Их утопичность заключается в том, что ни один из них не обладает потенциалом, необходимым хотя бы для его частичной и поэтапной реализации. Причём первый проект являет собой «чистую» (теоретическую) утопию, представляющую интерес лишь для историков философии, а второй — сугубо религиозную утопию, отторгаемую не только в силу существующего раскола христианской церкви и непримиримого конфликта между её ветвями, но и по соображениям геополитического характера, в т.ч. нарастающего столкновения западной и российской цивилизаций, о котором писал в конце XX века С. Хантингтон.

Актуализация проекта. Надо признать, что Россия, будучи незавершённой по форме и транскультурной по сути цивилизацией, «беременна» трансцендентным началом, в т.ч. софийностью или всечеловечес-

Табл. 5

Этапы цивилизационного проектирования	Проекты возможного цивилизационного будущего России, основанные на идее всеединства	
	Проект "София"	Проект "Вселенская церковь"
<i>Цель проекта</i>	Производство человеческого бытия во всей полноте его божественной сущности; восхождение человека к высоте духовного совершенства	Создание христианского государства на основе органического единства государства и церкви; практическое осуществление христианства в повседневной жизни людей
<i>Образы желаемого будущего</i>	София как человеческое и социальное воплощение Бога на земле; Россия - неразрывная часть софийной цивилизации (богочеловества)	Россия как историческая сила, способная обеспечить "универсально-жизненное осуществление христианства", объединить человеческий род в единый социальный организм, а все церкви во Вселенскую церковь
<i>Способы проектирования</i>	Разворачивание абсолютного как вечно-единого и всеединого в облике вечной женственности и космической красоты, а также с учётом русского национального момента, необходимо сподвигнуть народы России к выполнению их великой миссии	Органическое единение духа, разума и души в христианстве, прежде всего практическое воссоединение истинной веры и высокого разума; преодоление национальных предрассудков и исторических аномалий, препятствующих цели проектирования
<i>Возможности согласования и практической реализации проекта</i>	София - один из возможных проектов трансцендентной цивилизации в России; аналогичные проекты имеются, как у предшественников (Н.Ф. Фёдоров, Н.Я. Данилевский), так и у современников (например, "православная цивилизация" С. Хантингтона). Ни один из них не получил поддержки и практического применения	Это наиболее слабый пункт проекта; трудно даже представить, как можно убедить не только церковных иерархов, но и рядовых верующих в правомерности создания Вселенской церкви и отказа от догматов православия; российская общественность, как прошлого, так и нынешнего веков, не готова к восприятию столь масштабных проектов, затрагивающих геополитические интересы других стран

тью. Но вряд ли она пойдёт по пути, предложенному В.С. Соловьёвым и осуществит его двойную утопию, т.е. станет Софийной цивилизацией и в то же время вольётся в лоно Вселенской церкви под предводительством папы римского. Предположить сегодня такой исход – означало бы полностью проигнорировать реальность мира современных цивилизаций, который претерпел радикальные изменения в конце XX – начале XXI вв., и навсегда отказаться от поиска какой бы то ни было цивилизационной идеи самой России.

Одним словом, Россия на протяжении последних ста лет развивалась как особенная цивилизация. И её никак нельзя «вместить» в проектные рамки Софии или Вселенской церкви, как бы этого не хотелось В.С. Соловьёву и его сторонникам. Но что-то из того, что предложил русский философ можно, конечно, использовать для формирования новых образов цивилизационного будущего России. И это заслуживает отдельного изучения.

Полнота предложенных мной критериев цивилизационного развития в данном случае не так важна. Могу лишь предположить в заключение, что В.С. Соловьёв, возможно, и не стремился к практической реали-

зации своего проекта, а рассматривал его как своего рода интеллектуальный вызов, призванный расшевелить консервативно-патриотическое «болото», сложившееся в то время в среде гуманитарной интеллигенции и общественно-религиозных деятелей. Если это так, то ему, по крайней мере, удалось посеять смятение в рядах славянофилов и «почвенников», а также других патриотически настроенных мыслителей, вызвав с их стороны мощный шквал критики. Как известно, критике этих идей Соловьёва посвящены книги и статьи многих его современников. А это уже немало-важный факт, необходимый для формирования общественного мнения в России конца XIX – начала XX вв.

Мой вывод заключается в том, что проекты Софии и Вселенской церкви не подходят для сегодняшней России, правомерно претендующей на статус самобытной цивилизации, а идеи самого Соловьёва следует считать не только утопическими, но и потенциально опасными, способными взорвать и без того шаткий мир существующих цивилизаций и связанных с ними религиозных систем. Опыт последнего столетия показал, что христианство так и не стало единым, а столкновения между цивилизациями продолжают, хотя и в новом историческом формате.

«Интегральная цивилизация» (П.А. Сорокин)

Проектная идея. Понятие «цивилизация» чаще всего соотносят с представлениями о культуре. Однако П.А. Сорокин проводит между культурой и цивилизацией более чёткую границу. Под цивилизацией он понимает широкую социокультурную общность, которая складывается на базе крупной культурной системы или суперсистемы и представляет собой реальную причинно-смысловую целостность, отличную от малых культурных систем, нации, государства, других политических, религиозных, расовых, этнических систем или групп. Цивилизационное развитие Сорокин рассматривает, с одной стороны, как смену социокультурных порядков, а с другой – как процесс усложнения возможностей конкретной цивилизации и её движение в сторону преобразования в интегральную суперкультурную систему. «Высшим» уровнем такого развития он считает идеалистическую систему, которая возникает в результате культурной интеграции других систем.

Свой взгляд на цивилизационное устройство современного мира он предлагает в работах «Социальная и культурная динамика», «Главные тенденции нашего времени», «Кризис нашего времени» и других трудах [18; 19; 20]. На момент выхода этих работ ещё существовал Советский Союз.

Вот как видит цивилизационную карту мира П.А. Сорокин.

Во-первых, в каждую историческую эпоху, по его мнению, в мире существует свой творческий центр цивилизационного лидерства. Такими

центрами были в своё время Египет, Греция, Рим и пр. В ходе истории они могут перемещаться. Теперь эти центры находятся в США и СССР. В будущем возможно перемещение такого центра в Китай, Индию и другие цивилизации. Это стало возможным, на его взгляд, благодаря освобождению их народов от колониального рабства, быстрому росту экономик и укреплению государств.

В-вторых, с точки зрения Сорокина, продолжается распад социокультурного строя западной цивилизации, в основе которого лежит чувственный тип культуры. Несмотря на произведённый им научно-технический переворот и повышение общего уровня телесной жизни, время существования этого типа уходит. Идеациональная культура также исчерпала свои возможности и не может служить далее делу прогресса в своём прежнем виде.

В-третьих, возникает и развивается новый социокультурный строй, построенный на базе интегральной («идеалистической») культуры, от которого зависит будущее всего человечества. Новая модель не отрицает чувственную форму реальности, но ставит её в один ряд с другими уровнями реальности (рациональной и сверхчувственной).

Такова в общем цивилизационная схема П.А. Сорокина. Не берусь анализировать то, что у него, в конце концов, получилось, а что нет. Пусть этим занимаются историки философии и социологии. Но на мой взгляд, его прогнозы будущего цивилизационного развития мира пока не подтвердились. Чувственная культура и основанные на ней общественные и технологические устои продолжает «распадаться» вот уже несколько веков, а эра интегральной культуры со всеми её преимуществами и приматом «высших» ценностей так до сих пор и не наступила. И боюсь, что ни у кого из нас уже не останется времени дожидаться её прихода.

Реконструкция проекта. Приведу вначале сокращённый вариант проекта цивилизационного развития с учётом оснований, предложенных П.А. Сорокиным (см. табл. 6).

В итоговой таблице П.А. Сорокин приводит наряду с основными посылками «логические сопровождающие», необходимые для различения разных типов и подтипов культурной ментальности, положенных в основу различных моделей цивилизационного развития, в т.ч.: по характеру мировоззрения (смыслополагания); по объёму контроля и власти; по характеру активности; Я-концепция; знание и истина; моральные и эстетические ценности; социальные и практические ценности.

Таким образом, Сорокин предложил модель конвергенции, призванную объединить западную и советскую цивилизации в единую или интегральную цивилизацию. Он считал, что сближение противоположных социокультурных систем идёт полным ходом, а конфронтация между ними

Табл. 6

Основания (посылки) проектирования	Чувственная цивилизация	Идеациональная цивилизация	Идеалистическая ("интегральная") цивилизация
<i>Природа реальности</i>	Становление как процесс эволюции и преобразования социокультурного мира	Сверхчувственное, нематериальное и непреходящее бытие	Многогранная реальность непреходящего Бытия и непрекращающегося Становления
<i>Цели и потребности</i>	Преобладание физических потребностей	Преобладание духовных потребностей	Соединение материальных и духовных потребностей
<i>Степень удовлетворения потребностей и целей</i>	Максимальное удовлетворение физических и чувственных потребностей ("контроль человека над внешним миром")	Максимальная степень удовлетворения духовных потребностей ("контроль человека над самим собой")	"Возвышение потребностей" (подчинение материальных потребностей духовным)
<i>Способы удовлетворения потребностей</i>	Преобразование или эксплуатация внешнего (предметно-чувственного) мира	Добровольная минимизация физических потребностей, вплоть до полного отказа от них	Самосовершенствование как преобразование чувственного мира в духовный

постепенно уступает место духу сотрудничества и взаимопонимания. Что же это будет за цивилизация? Не капиталистическая и не социалистическая (экономическая система), не индивидуалистическая и не коллективистская (социальные отношения), не идеалистическая и не материалистическая (философия), не религиозная и не атеистическая (религия). Мне это напоминает эклектическую смесь или гибрид, полученный от скрещивания цивилизационных типов, имеющих разную логику развития.

Отмечая цивилизационную специфику России, П.А. Сорокин сформулировал её цивилизационные черты (наличие исторической миссии, великой культуры, сильной нации, склонность к социальным экспериментам, спонтанный демократизм, стабильная социальная структура, национально ориентированная элита и интеллигенция, культурная и расовая терпимость, высокие моральные принципы и творческая личность), которые должны, по его мнению, обеспечить ей условия для возрождения и последующего процветания.

Кроме того, Сорокин обосновал такие принципы цивилизационного строительства России, как ненасилие, реализм, конкретно-исторический подход, постепенность изменений, примат права (легальность). Он ратовал за развитие индивидуальной инициативы, прежде всего, в хозяйственной сфере, призывая к тому, чтобы дать дорогу личному интересу и обеспечить максимальную правовую защиту гражданам. Думаю, что если бы эти требования были положены в основу реформ 1990-х гг., то нам бы удалось избежать столь сокрушительного развала страны.

Таким образом, проделав обстоятельный анализ цивилизационных черт российского общества и сформулировав принципы его цивилизаци-

онного развития, П.А. Сорокин попытался доказать, что Россия не только заслужила право называться полноценной цивилизацией, не уступающей в культурном отношении любой другой цивилизации, но и имеет исторический шанс реализовать модель идеалистической культуры при условии, что она впитает в себя лучшие достижения западной цивилизации, т.е. пойдёт путем конвергенции.

Актуализация проекта. В целом проект цивилизационного развития России, предложенный П.А. Сорокиным, с учётом всестороннего анализа её социокультурного опыта, заслуживает серьёзного отношения. Но нельзя не отметить имеющиеся у него попытки идеализировать ряд феноменов российской жизни как в прошлом, так и в настоящем. Это относится, в первую очередь, к всячески превозносимому им русскому национальному характеру, преувеличению роли крестьянства и интеллигенции, игнорированию некоторых существенных пороков (преклонение перед высшей властью, чрезмерная бюрократизация, безответственность лиц, принимающих решения и пр.), которые воспроизводятся с удивительной повторяемостью в каждую новую историческую эпоху.

Но как бы мы не относились к огромному исследовательскому опыту и богатству социологического воображения П.А. Сорокина, нам представлен проект западного человека, сохранившего ностальгию по русской культуре. Другими словами, этот проект создан для западного общества, которому, увы, не суждено воплотиться на нашей социокультурной почве. Однако отдельные предложения и идеи Сорокина, как это не удивительно, оказались применимы по отношению к другим социокультурным системам (например, к Китаю), которые переживают сегодня удивительную и весьма успешную трансформацию.

1.2.3. Всечеловечность как способ смыслополагания российской цивилизации

Третья группа участников проектного эксперимента – Николай Яковлевич Данилевский (1822-1885), Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938), Андрей Вадимович Смирнов (1958 г.р.) – представляет идею всечеловечности, которая рассматривается мной как ещё одно основание цивилизационного развития России.

«Славянская цивилизация» (Н.Я. Данилевский)

Проектная идея. Россия, по Н.Я. Данилевскому, является самобытной цивилизацией, выступающей результатом божественного творения и развивающейся по собственным законам. Благодаря этому она получила воплощение в своей национальной культуре и стала тем, чем является в данный момент. За основу Данилевский берёт естественную историю, в

которой различает культурно-исторические типы или самобытные цивилизации. Он предлагает типологию, в которой помимо цивилизаций как положительных деятелей истории существуют ещё и «отрицательные герои» (кочевники-завоеватели), а также «этнографический материал», т.е. племена, которые не обладают самобытностью и входят в другие цивилизационные образования.

Каковы же черты славяно-русской цивилизации?

Во-первых, Н.Я. Данилевский полагает, что на долю России выпала историческая судьба стать цивилизацией, т.е. ей свойственна «положительная деятельность самобытного культурно-исторического типа...» [5, 113]. Ей дано быть самостоятельным субъектом и творцом истории, но только в качестве объединителя всех славянских народов на основе идеи *Славянства*, которая имеет сопоставимый смысл с идеями Эллинизма, Европеизма и пр. Славянство и есть то содержание, которое придаёт форму нашей цивилизации. Без него России не суждено стать самостоятельной цивилизацией, и ей грозит опасность превратиться в этнографический материал для других цивилизаций. «Итак, для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгар (желал бы прибавить: и поляка), — после Бога и Его святой Церкви, — идея Славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага...» [5, 154].

Во-вторых, главной целью строительства российской цивилизации Н.Я. Данилевский считал создание *Веславянского союза* как единственно твёрдой почвы, «на которой может возрасти самобытная славянская культура» [5, 476]. Однако, такой союз не будет аналогом Священного союза в Европе, а станет новым дружественным образованием народов. Он показывает, какое значение этот союз имеет для таких стран как Греция, Болгария, Сербия и др. Такой союз предоставляет определённые выгоды всем славянским странам и позволяет укрепить могущество России, обеспечить её безопасность на западных и южных границах. И ради такого союза не стоит жертвовать славянскими целями и отдавать предпочтение так называемым общечеловеческим (т.е. западным) целям и интересам. Он создаст преграду на пути установления мирового владычества Запада. Ведь бороться с соединённой Европой, претендующей на всемирное владычество, может только соединённое Славянство как федерация государств, которая установит равный и справедливый раздел власти или влияния между группами народов [5, 509-510]. Общим языком такой славянской федерации Данилевский предлагает сделать русский язык, а непреложными символами славянства — православие и крестьянский надел.

В-третьих, Н.Я. Данилевский выделяет *черты русского национального характера* (общие всему народу, постоянные, не зависящие от обстоятельств и существенные) и показывает различия в психическом строе славян и других национальностей (этносов), которые населяют их цивилизацию. Эти черты формируются в самые ответственные периоды российской истории: призвание варягов, принятие христианства, татаро-монгольское иго, освобождение от поляков и других захватчиков, освобождение крестьянства и т.д.

Особое внимание Данилевский уделял этнографическим (племенным) качествам, нравственному началу и различиям в историческом воспитании народов. Европейской насильственности он противопоставлял миролюбие и терпимость славянских народов, а склонности европейцев к гражданским и политическим свободам — религиозную духовность и прирожденную гуманность, революционным переменам — процесс внутреннего перерождения народного самосознания, которому присущ консервативный инстинкт, интересам материального свойства — «внутреннее нравственное сознание», в т.ч. преобладание общенационального над личным, благость, умеренность, мягкость, непритязательность, благоразумие, чистота и чувство справедливости. Вот те черты, которые присущи, на его взгляд, всем славянам.

В-четвёртых, одним из важных условий цивилизационного развития России Данилевский считает её движение к гражданской и политической *свободе*. Он ставит вопрос: способен ли русский народ к свободе? И сам же отвечает на него. Стремление к свободе основано «на следующих свойствах, присущих русскому человеку: на его умении и привычке повиноваться, на его уважении и доверии к власти, на отсутствии в нем властолюбия и на его отвращении вмешиваться в то, в чем он считает себя некомпетентным; а если вникнуть в причины всех политических смут у разных народов, то корнем их окажется не собственно стремление к свободе, а именно властолюбие и тщеславная страсть людей к вмешательству в дела, выходящие из круга их понятий» [5, 585].

Однако я бы не стал идеализировать характер русского человека, приписывая ему равнодушие к власти и нежелание участвовать в революциях и иных делах, в которых он недостаточно компетентен. Будущее, до которого Данилевский так и не дожил, показало, что русские люди были втянуты в революционное движение и оказались способны к разрушению духовных и политических основ общественной жизни, которыми так дорожил русский мыслитель.

Концептуализация проекта. Представлю теперь содержание проектной версии Н.Я. Данилевского (см. табл. 7).

Табл. 7

Цивилизационные "кирпичики" России	Описание цивилизационного проекта
<i>Общесцивилизационные признаки</i>	Наличие собственного культурно-исторического типа, дифференцированного на четыре вида деятельности; всечеловечность; религиозность как ведущий вид деятельности славян; преемственность цивилизационного развития; способность к историческому творчеству и самоописанию; политическая независимость народов, входящих в состав цивилизации; невозможность копирования и переноса образцов чужого типа; федерация народов, система обществ или государств; культурное и этническое разнообразие цивилизации
<i>Необходимые уровни жизни цивилизации</i>	В России сформированы пока не все уровни цивилизационного единства: личность, имеющая своё назначение, - малый коллектив (община) - большой коллектив (род) - всечеловечность вместо общечеловечности (славянство ещё не достигло этой стадии); неразделённость национального (зависимого) и человеческого (свободного) в бытии цивилизации
<i>Миротворчество</i>	Россия не склонна к завоеваниям; она способна жертвовать своими интересами ради достижения мира, выступая служебной силой для европейских стран
<i>Славянство как идея союза государств</i>	Россия может выступать творцом истории, лишь объединяя вокруг себя другие страны и народы на основе идеи Славянства; создание Всеславянского союза, который способен укрепить могущество России и стать преградой на пути западного влияния.
<i>Национальный характер</i>	Миролюбие, терпимость, мягкость, религиозная духовность, доверие к власти, консервативность, умеренность, неприязнательность, чистота, благоразумие, справедливость
<i>Стремление к свободе</i>	Россия должна пройти путь к гражданской и политической свободе. Для этого у русского человека имеются: привычка повиноваться, доверие к власти, отсутствие властолюбия и нежелания вмешиваться в чужие дела

Таким образом, главными особенностями славяно-русской цивилизации Данилевский считал её миротворческий и совершенно не агрессивный характер, всеславянское единство, основанное на началах «нравственности, любви и самопожертвования», положительное влияние православия на культуру, а также неразрывную связь в ней образов Бога и Богоматери, которые достигают своей гармонии в Красоте, что выражено в свою очередь в духе Софии. Всё это указывает на духовные приоритеты данной цивилизации.

Актуализация проекта. Подводя итог реконструкции проекта Н.Я. Данилевского необходимо отметить, что он абсолютизировал идею Славянства, поставив её выше всех других цивилизационных признаков. Его предложение о создании Всеславянского союза оказалось утопическим и не получило в дальнейшем поддержки среди славянских стран, часть из которых (Польша, Болгария, Чехия, Словакия, бывшие республики Югославии, кроме Сербии) в конце XX века примкнула к западной цивилизации и вошла на разных условиях в состав Европейского союза (ЕС).

Под влиянием Запада оказалась и Украина, которая сегодня проводит националистическую политику и упорно держит курс на вступление в ЕС. Конечно, для этого были социально-экономические и политические причины, но факт остаётся фактом. Но всё это трудно было предугадать в конце XIX века. Поэтому я не буду упрекать Данилевского в чрез-

мерной утопичности его проекта. К тому же ему удалось построить достаточно обоснованную концепцию и выделить ряд существенных признаков российской цивилизации, в т.ч. её миротворческий характер и приоритет духовных ценностей. А с ними я готов согласиться.

«Евразийский проект» (Н.С. Трубецкой)

Проектная идея. Россия и Европа. В данном фрагменте я отнесусь лишь к некоторым идеям Н.С. Трубецкого, высказанных им в ряде трудов [24; 25]. При этом я буду опираться также на книгу А.В. Смирнова «Всечеловечность vs общечеловечность», в которой детально анализируется проект цивилизационного переустройства России, предложенный представителями классического евразийства.

Под евразийским проектом понимается, прежде всего, культуроцентричный проект, предполагающий возврат к себе, к своей собственной культуре, а не поиск оснований в чужой культуре или в славянстве и православии, о чём писали в своё время Данилевский и Достоевский. По мнению А.В. Смирнова, евразийская идея — «идея свободного развития всех тех народностей, языков, религий и т.д., т.е. всех субъектов, которые составляют симфоническую культуруличность. Идея свободного, гармоничного развития всех. Это — та же идея всечеловеческого, с которой мы встречались у Данилевского, но в масштабе России-Евразии, а не земного шара. Здесь — идея необходимости удержать субъектность, неповторимую личность каждого, т.е. каждого народа, каждого языка, каждого этноса, которые создадут симфоническую личность» [15, 180]. Всечеловеческое здесь «представлено собранием максимальных достижений разных культур» [15, 180]. Это — «срединный уровень» культурной идентичности, располагающейся между общемировой и национальной идентичностью.

В отношениях с Европой, которая претендует на общечеловечность, Россия всегда вела себя недостаточно последовательно. Этапы заимствования европейской культуры сменялись враждебными отношениями с ней, особенно в военные годы. Как считал Н.С. Трубецкой, цивилизация есть общее благо, во имя которого приходится жертвовать национальными особенностями. Но стоит ли жертвовать российскими интересами ради ничем необоснованного желания войти в лоно европейской цивилизации? С его точки зрения, романо-германская цивилизация отличается эгоцентризмом и шовинизмом как началами антисоциальными, разрушающими культурное общение между людьми. Поэтому нельзя принять эту культуру в качестве образца, не принимая вместе с тем эту её деструктивную, по сути, особенность.

По мнению Трубецкого, свою культуру романогерманцы называют общечеловеческой цивилизацией, а свой шовинизм — космополитизмом,

который коренится в самой природе международных хищников, их ненасытной алчности. Что же предлагает понять Трубецкой тем представителям неевропейской интеллигенции, которые хотят скопировать европейский опыт для построения собственной цивилизации? Прежде всего то, что европейская культура не есть культура всего человечества, она объединяет лишь народы, близкие по языку и этническим характеристикам. Поэтому она ничем не выше других культур и её усвоение не является безусловным благом, а смешение с ней представляет собой лишь суррогат. При этом усваивается лишь статика культуры, а не её динамика, что приводит в свою очередь к отказу от самостоятельного культурного творчества и последующей зависимости.

Следовательно, Трубецкой считал, что европеизация является безусловным злом для народов России и с ней надо всеми силами бороться. Но для этого необходимо это осознать не только внешним образом, но и внутренне, т.е. прочувствовать, пережить, выстрадать, осмыслив вместе с тем относительность самой европейской цивилизации [25, 79-81]. Казалось бы, эти доводы звучат убедительно и не нуждаются в дополнительных комментариях. Однако значительная часть сегодняшней интеллигенции продолжает «заигрывать» с Западом или «тащить» Россию в Европу. Не случайно Трубецкой называл такую интеллигенцию проводником европеизации и главным агентом Запада.

Такова позиция Трубецкого по вопросу о необоснованном стремлении прозападной части русской интеллигенции заимствовать чужой опыт. Он предлагает переосмыслить собственный социокультурный опыт, чтобы побудить русскую элиту опираться главным образом на свои силы.

Реконструкция проекта. Удивительно, что некоторые прогнозы евразийцев похоже начинают сбываться. Так украинцы, как и сто лет назад, когда Н.С. Трубецкой писал о создании ими литературного языка, так и сегодня, отказались от русского языка и стали формировать свою «срединную» идентичность на основе европейской идентичности. Поэтому высказанные тогда слова Трубецкого о нагнетании злобно-шовинистической обстановки и растущей ненависти к России и ко всему русскому в Украине оказались во многом пророческими. Неужели об этом не знали российские политики, принимающие решение о демонтаже Советского Союза и выстраивающие отношения с нынешней Украиной в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Наверняка они догадывались, что националистическая часть украинской элиты попытается взять реванш. Так оно, в конце концов, и случилось.

В этой связи Трубецкой вместе со своими сторонниками разрабатывает проект цивилизационного переустройства России, основными пун-

ктами которого выступают «идеократия», «месторазвитие», евразийская идентичность, соборность, симфоническая личность, «правлящий отбор», «автаркия», «демотия», программа мирного преобразования советского общества в евразийский союз.

Рассмотрим некоторые из них по порядку.

Во-первых, *идеократия* выступает как способ осуществления власти в обществе. Она должна стать делом служения евразийской идее. Западное государство встроено в собственную логику культуры. Формально оно основано на идее демократии, а фактически подчинено служению интересам сильных мира сего. По мнению Трубецкого, российское государство должно быть подчинено идее и стать своего рода идеальной государственной машиной. Поэтому «правлящий отбор» призван в первую очередь служить евразийской идее и олицетворять собой идеократический строй, основным признаком которого «является общность мировоззрения» [24, 428].

Во-вторых, Россия есть не только *нация*, но и *месторазвитие*. Нацией Н.С. Трубецкой называет совокупность народов, населяющих государство и объединенных общей исторической судьбой. Он рассматривает её как особую многонародную нацию. «Эту нацию мы называем евразийской, её территорию — Евразией, её национализм — евразийством» [24, 423]. В этой связи русский народ должен осознать себя первым среди равных (причем не только по численности, но и по значимости). По мнению Трубецкого, евразийский национализм необходимо воспитывать, формируя национальное самосознание людей. В этом состоит первостепенная задача философов, публицистов и людей искусства.

В то же время Россия-Евразия является особым «месторазвитием» и образует свой языковый союз (славянские, финно-угорские и тюркские народы). «Месторазвитие — естественная территория, отличающаяся географически, климатически... от соседних регионов и ставшая местом длительного исторического развития и взаимного общения и обогащения заселявших её народов, что приводит к появлению в их культурах, языках, психологии, мировоззрении общих черт» [15, 177].

В-третьих, в *отношении к славянству и православию* родоначальники евразийства, в т.ч. Н.С. Трубецкой, занимают достаточно критическую позицию. Историческая миссия России состоит не только в объединении славянства, но и туранского Востока. По мнению Н.С. Трубецкого, русская культура не исчерпывается православием. В ней присутствуют и другие черты народной стихии, способные сплотить в одно целое разные племена, связанные общей судьбой с русским народом. Он предлагает обратить внимание на целый круг народов евразийского мира, а не только на

славян. По мнению А.В. Смирнова, «российский мир» есть идентичность второго уровня, а народный уровень (этнос «русские») – идентичность первого уровня. «С этой точки зрения, быть русским значит 1) быть русским и 2) быть евразийцем» [15, 188]. И с этим доводом я полностью согласен.

В-четвёртых, Н.С. Трубецкой рассматривает *автаркию* как особую форму организации хозяйства. «Надо доказать, что основной плюс автаркии – её неизменность, гарантирующая мирное сожительство внутри и вовне, – возможен лишь при том усилии, если области, объединенные в особый мир, спаяны друг с другом не только экономикой, но историей (“общностью судьбы”), цивилизацией, национальными особенностями и национальным равновесием...” [24, 436]. Следовательно, у Трубецкого автаркия тесно связана с типом цивилизации и вырабатываемым ею стандартом жизни. Если цивилизация предполагает различные стандарты, что порождает социальное неравенство, то в пределах автаркического мира можно добиться единого стандарта

В-пятых, Трубецкой и его соратники предлагают *программу преобразования советского общества на евразийских началах*. Они планировали внести изменения в советский строй, чтобы реализовать свой проект, в т.ч. на началах религиозности, некапиталистического типа хозяйствования, новой евразийской социальности. При этом классические евразийцы не собирались устранять советскую систему государственного управления и планировали действовать через свободно избранные советы. Их цель – практическая организация жизни посредством государства и на основе идеократии, т.е. служения евразийской идее, и *демотии*, понимаемой как прямое правление народа («сороботничество»), достигаемое путём сложения сил в единое симфоническое действие.

Вместе с тем евразийцы предлагают свой проект развития науки и духовности. Они считали, что государству необходимо максимально вкладывать средства в духовное развитие индивидов и коллективов, а также в восстановление целостности научного знания и преодоление его излишней специализации.

Только так, по мнению А.В. Смирнова, евразийцы собирались превратить государство в гарант все-субъектности и обеспечить все-связность общества при плановой государственно-частной системе хозяйствования [15, 198-199]. Следовательно, евразийцы допускали частную хозяйственную инициативу и частный сектор при наличии общего плана государственного хозяйства. Они понимали соборную («симфоническую») личность как органический синтез личного и частного, общего дела и автономии личности.

Табл. 8

Параметры цивилизационного развития	Пути цивилизационного развития	
	Запад	Россия-Евразия
<i>Исходная идея</i>	Идея общечеловечности (Запад как "венец человеческих достижений")	Евразийская идея, понимаемая широко, как всечеловечность
<i>Основные категории анализа</i>	Автономия личности ("эгоцентричность"), свобода	"Соборность"; "симфония"; "симфоническая личность"
<i>Цель развития</i>	Свободное развитие эгоистического человека и различных форм ассоциации	Практическая организация жизни и мира посредством системы свободно избранных советов
<i>Логика развития культуры</i>	Субстанциальная, ориентированная на изолированного индивида и его интересы	Всесубъектная, ориентирующая на других субъектов и взаимодополнительность их позиций
<i>Месторазвитие (естественная территория проживания)</i>	Западные страны (Европа, США, Канада и пр.)	Россия-Евразия (территория, на которой проживают славянские, финно-угорские и тюркские народы, объединённые естественными границами и языковым союзом)
<i>Тип человека</i>	Изолированный, абстрактный и самодовлеющий	Гармоничный, увязывающий свои действия с действиями других индивидов
<i>Преобладающая форма социальности</i>	Отношения между отдельными индивидами и их ассоциациями, опосредованные вещами, собственностью и правом (соглашениями)	Симфоническая личность как "единство множеств" или собрание разных личностей, участвующих в общем деле и подчиненных единому порядку; соборность как "собрание", сотрудничество
<i>Культурная идентичность</i>	Западная, претендующая на общечеловеческий уровень	Евразийская, как идентичность второго уровня, объединяющая все народы России
<i>Характер власти</i>	Формальная демократия ("власть народа", а точнее - его партийно-политических представителей)	Идеократия (как служение евразийской идее) и правящий отбор, носящий всеклассовый характер; сохранение советов как системы самоуправления (демотия)
<i>Тип хозяйствования</i>	Капиталистическая экономика, основанная на частной собственности	Государственно-частная система экономики, сочетающая в себе личный интерес и плановую организацию народного хозяйства
<i>Способ взаимодействия с другими культурами</i>	Экспансия, колонизация, стратегия доминирования и борьбы за сферы влияния	Мирное сосуществование, сотрудничество

Увы, реализовать свой проект евразийцам так и не удалось. Они не стали правящей силой («правлящим отбором») в России, а вскоре были окончательно «нейтрализованы» большевистской властью и стёрты с политической карты.

Представлю теперь некоторые результаты реконструкции отдельных положений проекта евразийской цивилизации Н.С. Трубецкого и других классических евразийцев, взяв за основу комплексную оценку их идей А.В. Смирновым, которая приводится в его книге «Всецеловечность vs общечеловечность» [15] (см. табл. 8).

Таким образом, евразийский проект вносит ряд принципиально новых представлений в понимание эволюционного пути цивилизационно-

го развития России. Один из его главных разработчиков Н.С. Трубецкой предлагает навсегда отказаться от перманентного «хождения в Европу» («западноклонничества»), что каждый раз наносит непоправимый ущерб русской культуре, и заняться практическим цивилизационным строительством новой России посредством реформ и на основе принципов идеократии, месторазвития, симфонической личности («единства множественности»), евразийской идентичности и мирного переустройства общественной жизни на началах религиозности, государственно-частной системы хозяйствования и соборности. «Слабыми» пунктами в их проекте оказались представления о социальной справедливости и экологической безопасности.

Актуализация проекта. Единственно возражение с моей стороны относится к неэффективности самой идеократии, будь то коммунистической или евразийской. Рано или поздно всегда найдутся люди, которые собьются с «верного» пути и извратят суть исходной идеи. Поэтому строить проект российской цивилизации на основе идеократии — означает заведомо обречь его на провал. Конечно, я несколько не уверен в том, что лучшей заменой этой идее будут интересы, которыми руководствуются чаще всего субъекты субстанциональной логики, которых я называю эгодеятелями. Ради интересов бизнеса или политики они готовы пойти на многое. Но интересы тоже могут меняться со временем. Хочу лишь высказать предположение, что более надёжным и устойчивым основанием, чем идеи и интересы, могут служить, на мой взгляд, лишь практические ценности (ориентации и установки), которые объединяют людей в общности и делают их поведение более предсказуемым. Но этот тезис требует дальнейшего обоснования.

Опыт современной интерпретации всечеловечности (А.В. Смирнов)

Проектная идея. По мнению А.В. Смирнова, цивилизационный подход пытается выстроить типологию цивилизаций, не имея для этого четких оснований. Он предлагает различать субстанциональную и процессуальную логики развития цивилизаций или культур, которые подразделяются в зависимости от преобладающих в них субъект-предикатных комплексов. «Термины “субстанциональный”, “процессуальный” имеют в этом контексте не метафизический, а логический смысл: они отсылают к предикационному механизму, основанному на определенном типе задания связности... Субстанциональная или процессуальная метафизика, хотя и дают свое имя соответствующим базовым когнитивным механизмам обеспечения связности, сами зависят от этих механизмов, а не наоборот. В этом смысле можно также говорить о субстанциональной или процессуальной логике, отсылая не к каким-то содержательным учениям, а к ядерно-

му механизму связности, который обеспечивает в соответствующих логических системах очевидность и доказательность» [15, 54].

Следовательно, для понимания мира цивилизаций существует, как минимум, две оптики (видения) — субстанциальная и процессуальная. Причём невозможно видеть что-либо одновременно (субстанциально и процессуально). Событие, по Смирнову, является сырьем для нашего сознания, которое переплавляет культуру в эти две логики.

Субстанциальная логика доминирует, с точки зрения А.В. Смирнова, в западной цивилизации. В ней процесс понимается буквально как изменение субстанции во времени. А что значит мыслить субстанциально или процессуально? «Если вы считаете это эквивалентом “вода текущая”, тогда вы мыслите субстанциально. Если считаете эквивалентом “течение текущего”, то перемещаетесь в область процессуальной логики [10, 293]. Или «...если мы мыслим субстанциально, можем сказать “человек есть знающий”, если мыслим процессуально, — “познавание познающим познаваемого”, т.е. будем иметь дело с познанием как процессом, а не со знанием как чем-то фиксированным» [10, 294].

Процессуальная логика преобладает, по мнению Смирнова, в арабско-мусульманских странах. В европейской логике «пространство — это вместительница субстанциальных вещей, а время существует как “рамка” для событий и действий» [9, 255]. Напротив, в арабско-мусульманском мире действие протекает вне времени или длительности. В нём присутствует процессуальный субъект, который «всегда является связкой двух, это не связка со всеми, для отдельного человека всегда существует кто-то другой, но не все вообще» [10, 303].

В процессуальной логике действие всегда осуществляется «парой», т.е. самим действующим и претерпевающим. Субъект процессуален, а процесс рассматривается как онтологическая данность, но не в смысле бытия, а в смысле протекания. Вместо бытия как всего наличного (всеобъемлющего) А.В. Смирнов вводит понятие «осмысленность». Это — «абсолютная сфера явленности нам всего», выступающая как субъект-предикатная склейка или предельная категория, которая обозначает всё то, что можно помыслить и воспринять, а также то, с чем мы можем иметь дело [13, 77, 152]. Другая категория — «утвержденность», в т.ч. то, что считается принятым данной парой, т.е. как действующим, так и претерпевающим.

Третий вид логики у Смирнова — *всесубъектность*. И это есть связка «всех со всеми», когда мы проникаемся другими и становимся частью целого. «... Всесубъектность предполагает оправданность, как место каждого, которое дает субъекту полное право быть. Это включенность человека в общую систему, иначе он выпадает. А оправданность всего проис-

Табл. 9

Основания и признаки проектирования	Логики культур		
	Субстанциальная логика	Процессуальная логика	Логика всесубъектности
Природа первичной реальности (мир "чистых" событий)	Бытие как всеобъемлющее или наличие всего сущего	Осмысленность ("утвержденность")	Осмысленное бытие и бытие осмысленности
Субъект-предикатный комплекс и качество связывания	Связка субъекта и объекта, автономия личности	Связка действующего и претерпевающего, вовлеченность в пару	Связка всех со всеми, включенность в общую систему
Способ смыслополагания	Субстанциальный (мыслить нечто как субстанцию)	Процессуальный (мыслить нечто как "протекание")	Всесубъектный (мыслить нечто как совместное творение)
Структурная композиция сознания	Теоретическое мышление (рационализм) - восприятие - язык	Чувственное восприятие - язык - теоретическое мышление	Органическое единство всех компонентов сознания
Приоритетная сфера деятельности и отношение к ней	Мир вещей ("присутствие", "преобразование" и пр.)	Мир с другим ("со-присутствие", "делание", "говорение" и пр.)	Мир людей ("сотворчество", "сотрудничество", "сорботничество" и пр.)
Преобладающая форма общения	Общение между атомарными индивидами	Общение в паре ("действующий - претерпевающий")	Соборность ("собрание")
Я-концепция и доминирующий тип идентичности	Индивидуализм и самоидентификация	Со-субъектность и идентификация через другого	Всечеловечность и идентификация с общим делом
Рефлексивная позиция	Смоделировать возможную ситуацию, не меняя собственное мышление и сохраняя дистанцию с окружением	"Впустить в себя другого, перевоплотиться, стать другим"	Стремиться быть всем со всеми, проявляя разные грани своей индивидуальности

текает из оправданности каждого» [10, 303]. Можно предположить, что всесубъектность выступает у Смирнова в качестве интегральной логики (логики всечеловечности), которая, с его точки зрения, наиболее полно подходит для цивилизационного развития России. Но это предположение требует дополнительных пояснений.

Следовательно, всесубъектность является логической оболочкой всечеловечности. Но как перейти от субъектности к всесубъектности, чтобы сохранить целостность? «Если поставить вопрос, как сохранить целостность *после* субъектности, то мы должны искать путь к всесубъектности... Не стоит стягивать весь мир в одну точку «Я», из которого должно исходить «не-Я», а нужно распределить «Я» по субъектам мира. Русский язык и русская история дают подсказку, как это возможно, в т.ч. и в логическом смысле. Задача заключается в том, как из этого вытащить полноценную логику (формальную и неформальную)» [10, 306]. А вот это как раз самое сложное. Удастся ли человечеству в лице своих лучших представителей «вытащить» логику всесубъектности из культуры и сделать её общим достоянием?

Реконструкция проекта. Конкретизирую теперь позицию А.В. Смирнова, выстроив основания и логики проектирования культур в собственной последовательности (см. табл. 9).

Таким образом, А.В. Смирнов предлагает свой вариант типологии культурных логик, являющихся основаниями для построения разных цивилизационных проектов. В качестве дуальных логик он рассматривает субстанциальную и процессуальную логики, которые соответственно задают разные критерии долженствования. Например, в западной цивилизации, существующей в субстанциальной логике, любое сущее воспринимается в своём бытии (как всего наличного или всеобъемлющего), а в исламской – как процесс разворачивания и сворачивания осмысленности. Соединить эти логики друг с другом на практике невозможно, также как и нельзя мыслить другую цивилизацию в логике собственной цивилизации. Чтобы понять её, необходимо, по мнению Смирнова, размонтировать собственную логику и выстроить её элементы в композиции чужой логики.

Актуализация проекта. Общечеловеческое в понимании А.В. Смирнова предполагает моно-логичность и безальтернативность одной культуры, навязываемой другим народам и их культурам в виде глобального цивилизационного проекта, а всечеловечность несёт в себе, как он утверждает, «самоценность и нередуцируемость логик каждой из культур, составляя важнейшее обоснование многоцивилизационного проекта [10, 28-29]. Но почему именно России отводится решающая роль в реализации последнего проекта?

А.В. Смирнов отвечает на этот вопрос: «Я убежден, что Россия себя ещё не осознала. Великое отставание России заключается не в том, что она так плохо воплотила европейские формы, а в том, что она себя не поняла до конца в том смысле, что не смогла построить свой проект будущего, исходя из собственной логики развития. Как мне кажется, эта логика воплощена и в нашем языке, и в нашей истории. Если это так, то нужно это оттуда извлечь, вытащить на свет» [10, 305].

Но ведь такие попытки «вытащить на свет» национальную или русскую идею предпринимались неоднократно, в т.ч. дважды, на рубежах XIX и XX вв., а также XX и XXI вв. И сколько лучших умов России ломали голову над этой проблемой. Неужели им не хватило глубины и проницательности, чтобы извлечь из анналов русской культуры её собственную логику? Может быть причина заключается в незавершённости цивилизационного развития России и, следовательно, в несформированности её культурной логики? Ведь трудно искать то, что ещё не родилось, не проявилось в полной мере. Поэтому проще всего, как считают «западники», взять уже готовый цивилизационный образец, как это было не раз в нашем историческом прошлом, когда заимствованные на Западе «инновации» рассматривались как предпосылки дальнейшего социального про-

гресса России. К чему это, в конце концов, приводило, мы тоже не раз убеждались на своём опыте.

Но только ли с одной Россией связана необходимость создания цивилизационной альтернативы Западу? Продолжая далее свою мысль, Смирнов отмечает, что «сейчас стало очевидно, что огромные цивилизационные ареалы (Китай, Индия, исламский мир) не готовы принять глобалистский проект Запада. Но как избежать столкновения цивилизаций в этих условиях? Очертить границы? Но все будут выходить за эти границы. Тогда нужно придумать такую схематику, которая позволяла бы всем быть и всем реализовываться, но не претендовать на всеобщую гегемонию. Здесь начинает играть роль идея всечеловеческого, которая всё утверждает, но ничего не отрицает» [10, 306]. Придумать, конечно же, можно, но миром, к сожалению, правят не ученые или философы, а реальные политические субъекты, интересы которых зачастую не совпадают с интересами сообщества, от имени которого они выступают.

Таким образом, с точки зрения А.В. Смирнова, для понимания российской цивилизации больше подходят термины «всечеловечность», «всесубъектность» и «единство множественности». Но он полагает, что философам и гуманитариям вообще предстоит ещё открыть схематизм рациональности, стоящий за фактами русского языка, словесности и истории. И пока Россия не осознала свой путь цивилизационного развития, ей не удастся создать проект всечеловечности, который в случае широкого признания повлечет за собой глубокие социальные изменения, в т.ч. становление иного политического устройства. Воспользуемся ли мы этим историческим шансом, покажет опять же время.

В заключении данного раздела я не буду подводить итоги. Это мне ещё предстоит сделать в следующем разделе очерка. Отмечу лишь, что проект всечеловечности, разработанный Н.Я. Данилевским и Н.С. Трубецким, с одной стороны, и далее развитый А.В. Смирновым, с другой стороны, представляет, с моей точки зрения, наиболее реалистичный и идейно привлекательный проект. Если хотя бы часть из намеченного ими нам удастся практически обосновать, то это уже будет значительный шаг в продвижении российского цивилизационного проекта.